

David E. Hoffman. *The Dead Hand: The Untold Story of the Cold War Arms Race and Its Dangerous Legacy*. N.Y.: Doubleday; Toronto: Random House of Canada Limited, 2009. 575 p.

«А у вас тоже умирают больные?» — с таким вопросом звонили друг другу 4 апреля 1979 года врачи нескольких больниц одного из районов Свердловска. Туда обращались люди с высокой температурой, жаловавшиеся на боли в груди и кашель. Болезнь настигала внезапно: некоторые просто теряли сознание посреди улицы. Симптомы указывали на воспаление легких, но пациенты умирали в течение одного-двух дней. На вскрытии были обнаружены классические признаки сибирской язвы. Причина эпидемии — утечка на сверхсекретном «объекте 19», принадлежавшем 15-му Главному управлению Министерства обороны СССР. Именно там вели эксперименты со спорами сибирской язвы, чтобы превратить их в биологическое оружие. Оружие, от разработки которого Советский Союз торжественно отказался в 1972 году, подписав Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении...

26 сентября 1983 года на подмосковной станции системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) «Серпухов-15» включились сирены и замигали красные лампы тревоги: один из разведывательных спутников сообщил о массовом пуске американских ракет. Происходило то, чего так боялся генсек ЦК КПСС Юрий Андропов: сумасшедший религиозный фанатик

Рейган решил положить конец «империи зла» и развязал ядерную войну. Советское руководство располагало информацией о проведенных Штатами сверхсекретных маневрах *Able archer*, в ходе которых была проведена полномасштабная репетиция ядерной войны в Европе. Причем в этих маневрах принимали участие высшие представители американской администрации, так как шла проверка функционирования государственных органов США в условиях войны. В Кремле всерьез полагали, что *Able archer* может быть переходной стадией к настоящей войне. Заместитель резидента КГБ в Великобритании Олег Гордиевский, работавший на английскую разведку, сообщал, что из Москвы пришла телеграмма: от разведчиков требовали денно и нощно следить за работой британского военного ведомства, чтобы не упустить момент, когда начнется война.

Подполковник Станислав Петров, начальник дежурной смены в «Серпухове-15», был обязан немедленно проинформировать Генштаб о ядерной атаке на СССР: оставалось лишь двадцать минут для того, чтобы запустить советские ракеты для нанесения ответно-встречного удара. От ядерной катастрофы человечество отделяли считанные мгновения. Но на мониторе загоризонтного радара Петров не увидел засветок (светящихся точек, которыми отображаются ракетные пуски). К тому же подполковник знал: и раньше СПРН давала сбои, принимая за ракетные пуски большие птичьи стаи. И, поколебавшись нескольких мгновений, Петров отдал приказ подчиненным считать тревогу ложной.

СТАТЬЯ ДЭВИДА ХОФФМАНА, В КОТОРОЙ ОН ИСПОЛЬЗОВАЛ МАТЕРИАЛЫ РЕЦЕНЗИРУЕМОЙ КНИГИ, ОПУБЛИКОВАНА В PRO ET CONTRA. Т. 14. 2010. № 1–2. С. 100–110. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «CORPUS», ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ЧАСТЬЮ ИЗДАТЕЛЬСКОГО КОНЦЕРНА «АСТ», ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПЕРЕВОД КНИГИ ХОФФМАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Тремя неделями раньше, 1 сентября 1983 года, другой офицер — летчик Геннадий Осипович, дежуривший на сахалинской базе ВВС, не проявил такой выдержки. В течение нескольких месяцев американские авианосные группировки не переставая проверяли, насколько эффективна советская оборона. И однажды им повезло: самолет электронной разведки *F-14* пролетел над островом Зеленый и ушел безнаказанным. Дальше последовало все, что должно было последовать: комиссия из Москвы, жестокий разбор, взыскания. Осипович знал, что второго прокола никому не прощают. А над Сахалином летел огромный самолет, игнорировавший все запросы. Этот пассажирский «боинг» южнокорейской авиакомпании и силуэтом, и количеством двигателей походил на американский самолет-разведчик *RC-135*. И Осипович нажал кнопку пуска ракет. Гибель южнокорейского «боинга» подтвердила наихудшие опасения Рейгана и других западных лидеров: в СССР правят патологически жестокие догматики.

Книге знаменитого американского журналиста Дэвида Хоффмана «Мертвая рука», удостоенной в 2010 году Пулитцеровской премии, можно было бы дать подзаголовок «Очерки взаимной паранойи». Один за другим перед читателем разворачиваются эпизоды взаимного противостояния двух сверхдержав, описанные автором с предельной добросовестностью. Из объятая эпидемией Свердловска Хоффман переносит нас в Обнинск, где советские ученые не за страх, а за совесть работают над созданием все более смертоносных инфекций — на основе возбудителей оспы, туляремии, чумы и сибирской язвы. Они вполне искренне верят, что их коллеги в США, Австралии и Западной Европе занимаются тем же самым. Из Белого дома, где Рейган провозглашает свою Стратегическую оборонную инициати-

ву (СОИ), которая, по мнению президента США, должна навсегда освободить человечество от угрозы ядерного уничтожения, читатель попадает в Кремль, где в СОИ видят только одно: подготовку к безнаказанному первому ядерному удару...

И наконец, в повествовании Хоффмана появляется главный символ этой паранойи: проект, который много позже в США назовут «Мертвой рукой» (на самом деле в совершенно секретных советских документах он носил скучное название «Периметр»). Где-то в отрогах Уральских гор офицеры, сидящие в подземных бункерах, должны были давать команду на пуск специальной «сигнальной» ракеты, которая передаст команду для запуска всех ядерных сил СССР. Для того чтобы дежурная смена самостоятельно приняла такое решение о начале ядерной войны, нужно было соблюсти три условия. Во-первых, в ситуации надвигающейся войны от высших руководителей СССР на командный пункт должно поступить предварительное разрешение на применение ядерного оружия (что означает, что военнополитическая ситуация такова, что Кремль не исключает ядерного удара со стороны США). Второе условие: после этого связь с высшим руководством страны оказалась утрачена. Наконец, в-третьих, должны быть получены достоверные данные сейсмических станций о массовых ядерных взрывах. Советское руководство обсуждало вопрос о том, чтобы сделать систему полностью автоматической и вовсе исключить участие людей (технически это уже было возможно). Ведь никто не знал, как поведут себя те, кому надлежит окончательно уничтожить жизнь на Земле. Не дай бог, начнут колебаться. Тем более что уже не будет ни военного трибунала, который накажет за невыполнение приказа, ни даже расстрельной команды, которая привела бы в исполнение суровый приговор. Предыдущий опыт показывал: так

называемый человеческий фактор может свести на нет ракетно-ядерное могущество. Так, в 1960-е, получив кодовый приказ «Бронтозавр» (который означал начало войны), дежурный офицер в волнении не мог даже вскрыть с помощью ножниц секретный пакет с дальнейшими указаниями. С другой стороны, в вопросах жизни и смерти было страшно полностью довериться не самой совершенной технике. В итоге было решено все же положиться на офицеров, их верность долгу и присяге.

Описанные Дэвидом Хоффманом эпизоды противостояния, демонстрирующие не только глубокое взаимное непонимание Кремля и Белого дома, но и то, как близко СССР и США подходили к уничтожению друг друга (а заодно и всей планеты), заставляют несколько сомневаться в справедливости главного тезиса печально знаменитой мюнхенской речи Владимира Путина — о том, что 80-е годы прошлого века были наиболее стабильными в отношениях между Москвой и странами Запада. В действительности эта «стабильность» заключалась в балансировании на грани ядерной, химической и бактериологической войны.

Хоффман убедительно показывает, как вполне стройная в изложении теоретиков концепция взаимного ядерного сдерживания дает очевидные сбои, сталкиваясь с реалиями противостояния двух сверхдержав. Вот благодаря двум лучшим своим агентам Олдричу Эймсу и Роберту Хансену КГБ ликвидировал всех американских шпионов в СССР. Но объективный результат оказался обескураживающим: как раз в тот момент, когда к власти пришел Михаил Горбачёв, а СССР демонстрировал готовность к немедленному сокращению ядерных арсеналов, американская разведка была слепа и глуха. Она не могла правильно интерпретировать шаги советского руководства. И поэтому процесс ядерного разоружения начался, по

меньшей мере, на два года позже, чем мог бы. Многочисленные ошибки американской разведки Хоффман демонстрирует, цитируя Роберта Гейтса, тогда главу ЦРУ, а ныне министра обороны США.

А вот либералы в советском руководстве предлагали пригласить американских экспертов на советские военные объекты и продемонстрировать им, что СССР вовсе не собирается разворачивать военные действия в космосе и создавать собственную программу «звездных войн». Ответ «ястребов» из Политбюро и Минобороны был поразителен: они совсем не опасаются того, что американские эксперты узнают какие-то военные секреты. Их тревожит другое: американцы увидят, что «используемые лазеры совершенно устарели и используют примитивную технологию начала 70-х». В результате визитеры из США поймут степень отсталости советской военной техники. И на этом основании советская сторона отказалась от обмена визитами.

Впрочем, достоинство книги Дэвида Хоффмана не только в описании идиотизма (и, разумеется, безумного риска) военного противостояния. Заслуживает всяческого уважения попытка показать, с каким трудом пробивало себе дорогу взаимное стремление к безопасности, основанной не на гарантии полного взаимного уничтожения, а, наоборот, на сокращении и ликвидации оружия, способного вовсе прекратить жизнь на Земле. И Брежнев, и Рейган были потрясены и напуганы, когда бесстрастные эксперты объясняли им, что взаимное ядерное сдерживание означает взаимное уничтожение, но постепенно США и СССР сумели преодолеть страх перед противником и перейти к осозанным совместным действиям по сокращению ядерных арсеналов.

По сути дела, книга Хоффмана — это история того, как СССР и США мучительно разжимали «мертвую хватку» ядерного про-

тивостояния. Он в подробностях описывает парадоксальный процесс, когда Горбачёв и Рейган, двигаясь от одной неудачи к другой — выйти на соглашения не удалось ни в Хельсинки, ни в Рейкьявике, — в итоге приходят к радикально иной формуле ядерного разоружения (в скобках замечу, что Хоффман лишь вскользь упоминает о факторе, определявшем советское миролюбие: экономика страны просто разваливалась под бременем военных расходов).

Отмечу еще одну особенность этой книги. В целом Хоффман не сообщает ничего сенсационного — все описываемое им достаточно хорошо известно как российским, так и американским специалистам (коих, заметим справедливости ради, насчитывается по обе стороны океана две или три сотни). По большей части известны и источники — воспоминания Горбачёва и дневники Рейгана, записки помощника генсека Анатолия Черняева и британского посла Родерика Бредвейта, появившиеся в 1990-х публикации о секретной советской программе создания бактериологического оружия и даже о системе «Мертвая рука». Однако автор не ограничивается уже имеющимся материалом; он стремится сделать историю объемной и многомерной. Для этого он ищет свидетелей и участников описываемых событий, пытается вытащить из них детали происшедшего. Чего стоит хотя бы рассказ о сверхсекретной докладной члена Политбюро Льва Зайкова о программе создания бактериологического оружия, подготовленной в ответ на запрос Горбачёва. Дело было настолько секретное, что машинистка всякий раз оставляла пропуск перед словом «оружие», слово

«биологическое» член Политбюро вписывал сам от руки!

Отдельно следует сказать об одном источнике, на который опирается Хоффман и который практически неизвестен в России. Это архив Виталия Катаева, ответственного работника отдела оборонной промышленности ЦК КПСС, хранящийся в Гуверовском институте в США. Западные исследователи, включая и Дэвида Хоффмана, периодически обращаются к бумагам Катаева, но полностью эти исторические документы не описаны. Между тем, судя по цитатам, которые приводит Хоффман, речь идет о поистине бесценном источнике информации о состоянии советского ВПК в середине—конце 1980-х годов. Сегодня, когда его пытаются представить в качестве некоей идеальной системы обеспечения обороны государства, чрезвычайно важны реальные свидетельства того, что представлял собой советский ВПК на самом деле.

Вообще же книга Дэвида Хоффмана, посвященная вроде бы событиям 1980-х, сегодня звучит весьма актуально. Да, безумие ядерного противостояния отступило, но оно не кануло в Лету. Вот только один пример — новый российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (объявленный главным достижением политики «перезагрузки») базируется на концепции взаимного сдерживания. Разумеется, специалисты прекрасно понимают — это пародия на договоры 1980-х. Никто не собирается осуществлять планы, подобные «Мертвой руке». Но в том, что касается ядерных вооружений, основа для конфронтации сохраняется по сей день. ■

АЛЕКСАНДР ГОЛЫЦ

Barbara Demick. Nothing to Envy: Ordinary Lives in North Korea. Spiegel and Grau, 2009. 314 p.

Ralph Hassig, Kongdan Oh. The Hidden People of North Korea: Everyday Life in the Hermit Kingdom. Rowman and Littlefield, 2009. 300 p.

B. R. Myers. The Cleanest Race: How North Koreans See Themselves and Why It Matters. Hoboken NJ: Melville House Publishing, 2010. 208 p.

Отношения между двумя Кореями, и так непростые, вступили в новую весьма опасную фазу. 24 мая 2010 года президент Южной Кореи Ли Мён Бак сообщил о замораживании торговых связей с Пхеньяном и о введении запрета на проход северокорейских судов через южнокорейские воды. Он угрожал немедленным возмездием в случае любого северокорейского вторжения на территорию Юга с суши, моря или воздуха. В ответ северокорейцы назвали Ли «предателем» и «негодяем», заявив при этом, что на любые военные акции Южной Кореи они ответят «тотальной войной». Один северокорейский командир пообещал открыть огонь по южнокорейским громкоговорителям, если правительство в Сеуле попытается возобновить давно приостановленные пропагандистские передачи через демилитаризованную зону. После речи президента Ли всесильный руководитель Северной Кореи Ким Чен Ир исчез с публичной арены, как он всегда делал в прошлом, когда у него были основания опасаться, что на него могут нацелить оружие с лазерным наведением, используемое армией Южной Кореи и ее американскими союзниками.

Непосредственной причиной вспышки взаимной враждебности в последнюю неделю марта стал таинственный взрыв, уничтоживший южнокорейский военный корабль «Чхонан». Он патрулировал северную демаркационную линию — морскую границу, в одностороннем порядке объявленную Южной Кореей после войны в 1953-го, но до сих пор не признанную Пхеньяном. Корабль был разорван взрывом пополам и затонул, унеся жизни 46 моряков. В этих непростых обстоятельствах Ли Мён Бак проявил чрезвычайную сдержанность. Он назначил многонациональную комиссию для расследования инцидента и предоставил ей достаточно времени и необходимые ресурсы.

Примерно через семь недель после взрыва комиссия представила свои выводы. Среди доказательств, предъявленных следователями, были части торпеды, поднятые с морского дна рядом с тем местом, где были обнаружены обломки корвета «Чхонан». Торпеда относилась к тому типу торпед, которые Пхеньян продавал другим странам, и имела корейскую маркировку. Следователи также отметили, что за несколько дней до инцидента в море вышло северокорейское военноморское оперативное соединение, включая небольшие подводные лодки, способные атаковать суда типа корветов, которое вернулось на базу лишь спустя несколько дней¹.

Правда, все доказательства — косвенные, но в целом они выглядят достаточно убедительными.

ПЕРЕВОД РЕЦЕНЗИИ КРИСТИАНА КАРИЛА (CHRISTIAN CARYL) "NORTH KOREA: THE CRISIS OF FAITH", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (VOL. 57, NO. 12, JUL. 15, 2010) © 2010, THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (DISTRIBUTED BY THE NEW YORK TIMES SYNDICATE). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE NEW YORK TIMES SYNDICATE И THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS

тельно, чтобы дело могло быть направлено в суд. В результате тщательной аналитической работы следователей стало ясно, что гибель корабля «Чхонан» можно объяснить только враждебными действиями, а единственным государством в регионе, имеющим и средства, и мотивы для совершения подобных действий, является Северная Корея. Интересно то, что в общем потоке злобных выпадов, идущих из Пхеньяна, прозвучал и примирительный сигнал: Северная Корея заявила о готовности направить в Сеул свою группу следователей для изучения имеющихся доказательств. Однако это предложение не было принято противной стороной.

II

До сих пор без ответа остается вопрос, по какой же причине Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) решилась на акцию, которую некоторые наблюдатели характеризуют как самую серьезную военную провокацию со времен окончания корейской войны. Дальнейшее развитие событий будет во многом зависеть от того, какой ответ на этот вопрос сочтет правильным правительство в Сеуле (а также и его американский союзник). Кое-кто из аналитиков полагает, что нападение на «Чхонан» стало ответом на обстрел, имевший место осенью 2009 года, когда южнокорейские ВМС, после принятых в таких случаях предупреждений, открыли огонь по северокорейскому судну, вошедшему в южнокорейские воды. Судно было изгнано и, возможно, его экипаж понес потери. Но такие мелкие стычки то и дело случались на протяжении многих лет. Почему же на этот раз Северная Корея выбрала столь несоразмерный ответ?

Действительно, гибель корвета «Чхонан» стала лишь очередным звеном в долгой истории неожиданных нападений и террористических операций Северной Кореи. Десятилетиями Пхеньян засылал своих

командос в Южную Корею и по суше, и по морю. В 1968-м группе сотрудников северокорейских спецслужб, имевших очевидной целью убить тогдашнего президента Пак Чжон Хи, удалось подобраться к Голубому дому, резиденции правительства Юга в Сеуле, буквально на несколько сот метров, прежде чем они были остановлены². От рук северян, устроивших взрыв, погибло также несколько членов южнокорейского кабинета. Кроме того, они сбили южнокорейский пассажирский самолет, неоднократно похищали южнокорейских граждан и совершали политические убийства на территории Южной Кореи.

Не далее как этой весной Сеул объявил, что он раскрыл заговор агентов Пхеньяна, целью которого было физическое устранение высокопоставленного перебежчика, в течение многих лет числившегося в расстрельных списках Ким Чен Ира. Но хотя такие инциденты, безусловно, укрепляют в глазах мировой общественности образ Северной Кореи как страны-изгоя, ни Пхеньян, ни Сеул не желали вступать в открытую войну. Южная Корея прекрасно понимает, что в этом случае ее собственная экономика подвергнется разрушениям, тяжесть которых трудно предсказать, а Северная Корея знает, что хорошо подготовленные и оснащенные южнокорейские вооруженные силы, тем более при поддержке внушительного арсенала США, наверняка одержат верх в любом затяжном конфликте. На общем фоне этих сдерживающих факторов Северная Корея на протяжении многих лет время от времени предпринимала ставшие привычными акции, которые усиливают напряженность, с тем чтобы шантажировать этим другие страны, добиваясь от них предоставления экономической помощи или дипломатических уступок³. Но было бы неправильно рассматривать эти последние провокационные действия лишь как элементы весьма нервозного, но все же стабильного статус-кво. Произошли

кое-какие фундаментальные изменения. Северокорейское государство сегодня подходит к решающему моменту в своей истории, и это значительно увеличивает риски для властей, которые все же надеются с ними справиться. А специалисты по Северной Корее говорят о «переломном моменте», чреватом самыми серьезными последствиями для всего региона⁴.

Конечно, нечто подобное мы слышали и раньше. После развала коммунистической системы в Восточной Европе в 1989–1991 годах многие аналитики предсказывали быстрый конец КНДР, которая, однако, оказалась на удивление живучей. Но на этот раз существуют две очевидные причины, серьезно дестабилизирующие режим семьи Ким (как называют его многие американские военные аналитики, непосредственно отслеживающие ситуацию в Северной Корее). Первая из них связана с самим Ким Чен Иром. Стабильность любой деспотической системы в огромной степени зависит от состояния здоровья ее центрального персонажа, а для КНДР это тем более справедливо, потому что степень концентрации власти в руках лидера Северной Кореи не имеет аналогов в современном мире. И вот в 2008-м мир узнаёт, что «Любимый вождь» перенес тяжелый инсульт. Во время визита в Китай весной 2010 года когда-то упитанный 69-летний Ким выглядел больным и похudevшим. Кроме того, в последнее время появились слухи о том, что у него большие почки.

Вместе с тем Ким Чен Ир самолично усугубляет неопределенность, медля с назначением преемника. Лишь недавно он, кажется, дал указание государственному аппарату законодательно закрепить позицию своего третьего сына Ким Чен Уна, двадцати с небольшим лет, как вероятного наследника. Но дело это непростое. Хотя о будущем Киме Третьем мало что известно, уже сама его молодость говорит о том, что он не может быть опытен

в государственных делах. Так что даже если Ким Чен Ун, как намечено, «взойдет на престол», вполне вероятно, что он окажется всего лишь номинальной фигурой, а это откроет простор для фракционной борьбы, чреватой нарушением политической стабильности. Седьмого июня Ким Чен Ир назначил своего зятя Чан Сон Тхэка, который всего несколько лет назад стал жертвой чисток по причинам, которые до сих пор не ясны, на вторую по важности позицию в иерархии режима. Многие эксперты расценили этот шаг Кима как одну из мер, предваряющих передачу власти преемнику.

Этот кризис в верхах развивается на фоне очень важных перемен, происходящих в стране. За последние полтора десятилетия Северная Корея претерпела поистине революционную трансформацию. В начале этого процесса она еще была страной в значительной степени закрытой для остального мира, а ее граждане были опутаны сетью всепроникающего социального контроля, организованного в соответствии с причудливой официальной мифологией. КНДР 2010 года — это уже другая страна, в которой многие люди добились небольшой, но крайне важной меры контроля над собственной жизнью и узнали о внешнем мире достаточно, чтобы осознать глубоко ущербную суть своей государственной системы.

Лучший на сегодняшний день обзор этой эволюции дан в работе Барбары Демик ««Нам нечему завидовать в мире»: Жизнь простых людей в Северной Корее», в которой нарисован подробный коллективный портрет шести северокорейцев и дано описание их жизни, основанные на обширных интервью с перебежчиками из крупного промышленного города Чхонджина на северо-востоке КНДР. Благодаря этим интервью мы в полной мере ощущаем экономические потрясения, вызванные коллапсом советской империи в начале 1990-х, за которым последовал в

середине того же десятилетия в значительной степени рукотворный голод, унесший от 2 до 10 процентов населения страны. Эта растянутая во времени экономическая деградация разрушила систему нормирования и распределения продуктов питания в стране, и теперь выживание стало зависеть от совершенно иного комплекса знаний и навыков, чем прежде. Рядовые граждане Северной Кореи отреагировали на это созданием параллельного частного сектора экономики, предлагающего любые товары и услуги, от домашней лапши до ремонта велосипедов.

Демик, корреспондент *The Los Angeles Times*, не просто рассказывает нам об этом процессе; благодаря ее таланту и мастерству репортера мы словно наблюдаем все это с близкого расстояния, во всех неприглядных подробностях. Опираясь на разного рода свидетельства, она тщательно документирует инволюцию страны к доиндустриальному прошлому. В Чхонджине, пишет она, огромные заводы, расположившиеся вдоль набережной, имеют вид сплошной проржавевшей стены, а их дымовые трубы выглядят как прутья тюремной решетки. Трубы — самый надежный индикатор. Редко какие из них выпускали дым от печей. Можно было сосчитать на пальцах одной руки дымящиеся трубы — одна, две, максимум три — и понять, что пульс города почти не прощупывается. Главные ворота предприятий заперты висящими замками, если только и они не стали добычей мародеров, которые уже успели разворовать и вывезти промышленное оборудование... Летом вдоль бетонных стен разрастаются мальвы. Не видно даже мусора. Рабочие покидают бездействующие фабрики и ищут пропитания в сельской местности. Фонари начинают мигать, а потом гаснут. Заработная плата становится все ниже и наконец перестает выплачиваться вовсе. Параллельно с разрушением инфраструктуры разрушается и привычный социальный

порядок. Перебежчики говорили Демик: «Раньше люди знали, каковы правила и какую грань нельзя переступить. А теперь правила не соблюдаются, и жизнь в результате стала неустроенной и пугающей».

Разрыв между напыщенной пропагандой режима и непрерывно нарастающими ужасами повседневной жизни всё расширяется, так что его уже нельзя не заметить. К каждому из тех, кого описывает Демик, разочарование приходит по-своему. Для Чжун Сана, привилегированного молодого интеллектуала, главный фактор — это доступ к закрытой для широкой публики иностранной литературе, в том числе к книгам об экономических реформах в России, которые зарождают в его душе первые сомнения. Он начинает украдкой смотреть южнокорейские телевизионные программы. Однажды, когда в стране свирепствовал голод, он услышал, как голодный сирота поет гимн во славу северокорейского руководства, — и тут он словно прозрел. Позже Чжун Сан понял, что пение этого мальчика стало последней каплей. Теперь он точно знал, что он больше не верит. Это был решающий момент внутреннего освобождения, как если бы он вдруг осознал, что стал атеистом.

Демик не случайно прибегает к религиозной терминологии: ведь для многих северян официальное мировоззрение давно стало своего рода эрзац-религией. Теперь, пережив потрясение, они ощущают себя вероотступниками.

У молодой школьной учительницы прозрение наступает по мере того, как дети в ее классе чахнут от недоедания и умирают один за другим. Аполитичная женщина средних лет, которая видит, как ее муж и сын умирают с голоду, решает на, казалось бы, немудреный шаг — разводит домашнюю печь и выпекает в ней булочки, которые она начинает нелегально продавать на местном рынке (а для этого ей приходится отречься от всего того, что ей всю жизнь внушала пропаганда).

К д-ру Ким, которая называет себя «патриоткой», момент окончательного разочарования пришел, когда она случайно узнала, что ее социальное происхождение вызывает подозрения у товарищей по партии, которой она верила всю свою жизнь. Сотрудник тайной полиции (из Агентства национальной безопасности — одной из нескольких частично дублирующих друг друга спецслужб) предостерег ее, чтобы она не вздумала перейти относительно открытую границу с Китаем, тем самым совершив измену. «Чем больше она думала о словах этого человека, тем больший смысл они для нее обретали. Он заронил в нее мысль, которая постепенно ею овладела». Однажды в Китае она увидела на задворках крестьянского дома миску с едой и сначала никак не могла понять, почему кто-то оставил такую ценность без присмотра. До этого момента в глубине своей души она желала увидеть, что Китай так же беден, как и Северная Корея. Ей по-прежнему хотелось верить, что ее страна — лучшая в мире. Нужно было подтвердить убеждения, которые она лелеяла всю свою жизнь. Но теперь она не могла отрицать того, что увидела собственными глазами: собаки в Китае питались лучше, чем доктора наук в Северной Корее.

Китай — это не только место, куда устремляются в поисках лучшей жизни. Это еще и страна, откуда в Северную Корею потоком идут товары: писчая бумага, ручки и карандаши, ароматизированные шампуни, расчески, щипчики для ногтей, бритвенные лезвия, батарейки, зажигалки, зонты, игрушечные автомобили, носки. Северная Корея уже так давно не способна производить что-либо самостоятельно, что самое обычное стало в ней редкостью.

Некоторые из этих товаров меняют сознание напрямую. Например, бурно растет «черный рынок» контрабандных фильмов и музыкальных записей, по большей части нелегально ввозимых из Южной Кореи.

Среди особенно любимых в Северной Корее фильмов — «Титаник», «Воздушная тюрьма» и «Свидетель»; кроме того, они с удовольствием смотрят южнокорейские мыльные оперы, из которых часто узнают поразительные подробности повседневной жизни в «деревне к югу» (так северяне называют Южную Корею). Один человек вспоминает, как он слушал радиотрансляцию южнокорейского ситкома, в котором две женщины спорили из-за места на стоянке: «Он не мог понять, как может быть так много машин, чтобы для их парковки не хватало места».

Эти процессы затронули и саму Коммунистическую партию. Как пишут Ральф Хессиг и Конгден О в своей весьма информативной книге «Спрятанный от мира народ Северной Кореи: Повседневная жизнь в Царстве Затворников», аппаратчики в своих лекциях предупреждают, что КНДР может повторить судьбу стран Варшавского договора, если партийным функционерам не удастся остановить разрушительное действие развлекательных передач из-за рубежа. От их влияния не застрахованы и сами функционеры: «Говорят, что даже чиновники центральных партийных организаций “заражены бациллой капитализма”».

Эти лекторы призывают органы безопасности удвоить усилия в борьбе с незаконными просмотрами видео (для тех, кто признан виновным в этом преступлении, северо-корейский закон предусматривает четырехлетний срок заключения в трудовом лагере). По мнению представителей власти, главное не пренебрегать важнейшим противоядием — «революционной идеологией уважаемого и любимого руководителя, которой надежно вооружены корейцы». Как отмечают авторы книги, это выглядит особенно забавно, если учесть, что сам Ким Чен Ир, как известно, весьма охоч до иностранных фильмов и изысканных импортных деликатесов. Раньше информация о таком деморализующем факте

ни в коем случае не вышла бы за пределы крошечного привилегированного «ближнего круга» Великого руководителя. Однако сегодня это уже не так.

III

Если лидеры Северной Кореи что-то говорят своим гражданам, они хотят быть уверены в том, что те их слышат, а иностранцы — нет! В каждом общественном здании, в каждом доме, вообще в любом месте, где северные корейцы живут или работают, имеется свой комплект громкоговорителей, подключенных с помощью кабелей к центральному передатчику. В отличие от обычного телевидения и радио эта закрытая сеть под названием «третья система вещания» имеет важное преимущество: ее передачи очень сложно отслеживать извне, из-за пределов страны. И режим в Пхеньяне часто использует ее для того, чтобы донести до народа свои самые важные решения.

Утром в понедельник 30 ноября 2009-го громкоговорители в очередной раз ожили. В специальном заявлении правительство сообщило своим гражданам, что в ближайшие дни они должны будут обменять старые деньги на новые. Ввиду многолетней инфляции все номиналы в новой валюте будут уменьшены в 100 раз, а все цены будут соответственно скорректированы. Вроде бы ничего страшного. Другие страны тоже раньше деноминировали свои валюты, и подобные меры — при правильной их реализации — могут облегчить жизнь людям в тех странах, где из-за инфляции бизнес и покупатели имеют дело с ценами, выраженными цифрами со многими нулями.

Однако быстро выяснилось, что, говоря о новой «денежной реформе», власть имела в виду нечто совсем иное. Мало того что правительство обнародовало этот указ практически без предупреждения, оно еще и установило потолок — предельную сумму в старой

валюте, которую можно было обменять на новую. Это была не просто деноминация — это была конфискация.

Цель не вызвала сомнений. Руководство КНДР достаточно долго терпело разрастание частных рынков и постоянное расширение сферы хозяйственной деятельности, неподконтрольной государственной власти. И теперь оно придумало, как отобрать накопления у множества мелких северокорейских предпринимателей.

То, что произошло дальше, никак не вяжется с шестидесятилетней историей КНДР. Как и всегда, из-за практически полной невозможности освещать события в стране из независимых источников, детали проверить трудно. Однако ясно, что простые люди в Северной Корее немедленно выразили свое недовольство этим решением правительства, в некоторых случаях даже публично⁵. Один кореец открыто выразил свой протест, публично предав огню свои сбережения в старых банкнотах. Владельцы киосков на одном из многих частных рынков, возникших по всей Северной Корее в период голода в середине 1990-х годов, демонстративно закрыли их на один день, устроив своего рода забастовку. Сообщалось, что силы безопасности совершили несколько публичных казней, чтобы подавить нарастающие беспорядки (эти факты, как и многое другое, не вызовут большого удивления у тех, кто прочел книгу Демик, которая успела включить в нее сообщения об аналогичных протестах, произошедших еще до объявления денежной реформы, в том числе об особенно громком выступлении против попытки местных властей закрыть самый крупный рынок в Чхонджине).

Но еще поразительнее то, что в конце концов северокорейское правительство было вынуждено отреагировать на проявления недовольства. Через несколько недель после объявления о реформе стало извест-

но, что государство решило увеличить размер суммы, которую люди могли обменять. Вскоре после этого второй человек в государстве разослал региональным функционерам Коммунистической партии циркуляр, в котором содержались извинения за неэффективную реализацию намеченной акции (но отнюдь не за саму акцию, так что до сих пор народ Северной Кореи не услышал слов раскаяния от своих лидеров). Позже, в марте 2010-го, южнокорейское новостное агентство «Йонхап» сообщило, что чиновник, отвечавший за «денежную реформу», был расстрелян.

Тем не менее «реформу» все же провели с вполне foreseeable последствиями: товары стали придерживать, цены взлетели, и каждый, кто имеет такую возможность, пытается обменять свои воны на китайские юани или другую иностранную валюту. Из видеоматериалов, тайно переправленных из Северной Кореи, явствует, что некогда многолюдные рынки ныне опустели ⁶.

Если вы полагаете, что руководство Северной Кореи рассматривает авторитарные рыночные реформы в Китае как совершенно разумную модель развития, вам трудно будет объяснить, почему правительство в Пхеньяне прибегает к таким явно саморазрушительным мерам. Брайан Рейнолдс Майерс в книге «Самая чистая раса: Как себя видят жители Северной Кореи и почему это так» предлагает свой ответ: руководители Северной Кореи на самом деле воспринимают свою идеологию всерьез, и именно это, настаивает он, является одной из причин, по которой северокорейский режим сумел продержаться гораздо дольше, чем его восточно-европейские собратья.

В своей блестящей провокативной книге Майерс опровергает устоявшиеся и затвердевшие на протяжении нескольких поколений представления о северокорейском режиме. Он показывает, что при всех своих пре-

тензиях на верность марксизму-ленинизму в действительности режим Северной Кореи явно следует одному из направлений расизма, проповедующему исключительность почти точно по модели мистического национализма императорской Японии Хирохито (и это не словесная эквилибристика: Майерс сообщает, что кое-кто из ключевых архитекторов идеологии Северной Кореи в период с 1910-го по 1945-й, когда Корея была японской колонией, работал в пропагандистском аппарате Японии). Недаром дипломаты из Восточной Германии, аккредитованные в Пхеньяне в 1950-х и 1960-х годах, слали в Берлин телеграммы, в которых они прямо сравнивали господствующую в Северной Корее идеологию с нацизмом.

По мнению Майерса, эта ветвь радикальной политики самоидентификации обладает огромными ресурсами выживания. Большая часть марксистско-ленинских призывов связана с претензиями марксизма-ленинизма на более высокую экономическую эффективность, поэтому очевидный провал Восточного блока в состязании с якобы находящимся на более низкой ступени экономического развития капиталистическим Западом нанес огромный ущерб легитимности коммунистической модели советского типа. Северокорейские же чиновники, напротив, относительно спокойно признают, что в Южной Корее люди живут богаче ⁷. Да, пусть южане богаты, говорят они, но они духовно бедны, живут в состоянии духовного упадка, в условиях жестокого господства империалистов-янки с их грубо материалистической, чужеродной культурой. Поэтому все южане ждут не дождутся того дня, когда они смогут вновь объединиться с Севером под вдохновляющим руководством товарища Ким Чен Ира, который являет собой воплощение незапятнанных корейских добродетелей.

Как показывает Майерс, кроме претензий на то, чтобы олицетворять истинную,

«чистую» Корею (брящая ядерным оружием), Север на данный момент ничего предложить не может. Поэтому трудно себе представить, чтобы Пхеньян по какой-либо причине вдруг решил отступить от своей позиции: «Как будто более бедная Северная Корея может обменять свою героическую националистическую миссию на экономический рост, не опасаясь при этом, что ее граждане тотчас предпочтут быть поглощенными государством-соперником!»

Правда, в некоторых случаях Майерс явно слишком увлекается своей идеей. Так, он отмечает, что подавляющее большинство из сотен тысяч жителей Северной Кореи, пересекающих границу с Китаем, в конце концов возвращаются на родину, и связывает это с огромной убеждающей силой официального мировоззрения. Однако более правдоподобно предположить, что все дело в застарелом парализующем страхе перед неприкрытым насилием, которое режим использует по отношению к родственникам тех, кто бежал на юг (кстати, ГДР, позволившая миллионам своих граждан бежать на Запад, относилась к их оставшимся дома родственникам несравненно мягче).

Тем не менее Майерс, безусловно, прав, утверждая, что то, что он называет «эрозией информационного кордона», потенциально представляет смертельную опасность для логики и цельности «Текста» (так он условно называет официальную доктрину). По мере того, как просачивается все больше информации, северяне все четче осознают, что южан устраивает их республика, что им глубоко наплевать на Ким Чен Ира, что северян они считают людьми отсталыми и примитивными и что в массе они вовсе не поглощены идеей воссоединения, которое, скорее всего, будет делом чрезвычайно хлопотным и дорогостоящим. «Текст» просто не в состоянии

что-либо противопоставить этой подрывающей все основы правде», — заключает он.

Так как же Северная Корея будет дальше жить без своего основополагающего мифа? Одним из возможных вариантов может стать попытка сплотить общество перед лицом внешней угрозы, поэтому не следует удивляться, если в ближайшие месяцы мы станем свидетелями новых провокаций наподобие потопления корвета «Чхонан». Как бы то ни было, становится все более очевидным, что единственное, на чем держится режим семьи Ким, — это грубая сила. Однако недавние беспорядки в связи с ревальвацией валюты позволяют предположить, что часть жителей КНДР, по-видимому, постепенно преодолевает свой страх перед государственной машиной. Сумеют ли Ким Чен Ир и его семья продлить свою власть еще на несколько лет? Быть может, и сумеют. Но уже сейчас ясно, что произошли фундаментальные изменения и никакого возврата к привычному прошлому быть не может.

Несмотря на угрожающие жесты и риторику, северокорейское государство уже не хозяин своей судьбы. Многое определится в ближайшие несколько недель, когда проявится позиция Китая, главного защитника КНДР. Пока Пекин не проявляет особого желания рисковать своим союзом с Ким Чен Иром и осудить его за нападение на «Чхонан». Между тем перед правительством в Сеуле стоит трудная задача: разработать политику, которая удовлетворила бы противоречивые запросы избирателей — защитила бы их от северян и одновременно не порвала бы этнические родственные узы с ними. Остается только надеяться, что народ Северной Кореи, манипулируемый сверху и неспособный контролировать ситуацию, избежит назревающей катастрофы. ■

КРИСТИАН КАРИЛ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ По имеющимся сведениям американских спецслужб, вскоре после гибели корвета «Чхонан» Ким Чен Ир посетил подразделение, ответственное за проведение специальных операций. От имени народа Ким поблагодарил личный состав подразделения за его недавние операции и повысил его командира в звании.

² Об этом нападении здесь хорошо помнят, в чем я имел случай убедиться в ходе моего визита в резиденцию президента весной этого года. В парке, окружающем резиденцию, то и дело встречались военные машины с установленными на них пулеметами.

³ См., например: *Keating J.* Was the North Korean Crisis All Talk? // *Passport Foreign Policy's* blog, June 2, 2010.

⁴ *Noland M.* Pyongyang Tipping Point // *The Wall Street Journal*. 2010. Apr. 12.

⁵ См., в частности: *Haggard S., Noland M.* The Winter of Their Discontent: Pyongyang Attacks the

Market. Peterson Inst. for International Economics. См. Также: *Harden B.* In North Korea, a Strong Movement Recoils at Kim Jong Il's Attempt to Limit Wealth // *The Washington Post*. 2009. Dec. 27.

⁶ Копию видеоматериала (с английскими субтитрами) см.: *Rare Footage Shows Impact of Botched N. Korean Reform* // *The Chosun Ilbo*. 2010. June 9. Ссылка на видео находится в нижней части страницы.

⁷ Я могу подтвердить это мнение. Мои северокорейские собеседники открыто говорили об этом во время одной из моих поездок на Север в 2007 году. Относительную бедность своей страны они объясняли «экономической блокадой» со стороны Запада (и прежде всего США). Вслед за этим, правда, они спешили добавить, что северные корейцы, несомненно, превосходят своих южных собратьев в духовном плане благодаря «блестящему руководству великого руководителя Ким Чен Ира».